

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ПИАНИСТКА

Москва

ТБ

**ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:**

Скрипачка

Соло для влюбленных

Возьми меня с собой

Мой суженый, мой ряженный

Во сне и наяву

Пианистка

Кормилица по контракту

Миг счастья ускользающий

Стена плача

Ромео должен повзрослеть

Последний вечер встречи

Женщина в лунном свете

Спаси меня, пожалуйста!

Дом без привидений

Старшая подруга

Черное облако души

Генетическая ошибка

Герой чужого романа

Семейная идиллия

Трефовый интерес

Восстание Феникса

Круиз по краю ада

Планета лжи

Проклятье Снегурочки

Незванный гость

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ПИАНИСТКА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Пианистка : роман / Татьяна Бочарова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-220559-0

Карина привыкла к своей скучной жизни. Уроки в музыкальной школе, одинокие вечера в пустой квартире, редкие встречи с женатым любовником... Все изменилось, когда по соседству поселилась молодая семейная пара. При одном взгляде на Олега у Карины упало сердце: он поразительно напоминал ее первую любовь, закончившуюся так трагически. Она решила держаться от соседей подальше, но это оказалось невозможно: ей было слышно все, что происходит за тонкой стенкой. После скандалов Леля прибежала к ней жаловаться, и постепенно они стали лучшими подругами. Но от Олега Карина по-прежнему предпочитала держаться подальше, как будто чувствуя исходящую от него опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-220559-0

© Бочарова Т., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1.

Гамма коряво, с остановками добралась доверху и начала спускаться. Медленно, ползком, на ощупь.

Карина невольно оторвалась от окна и обернулась: ей показалось, что ученик играет, крепко зажмурившись и не видя клавиатуры. Но нет, глаза мальчика были широко открыты и выражали муку.

Он сидел, резко наклонившись вперед на стуле, крепко прижав локти к бокам, и судорожно колотил пальцами по клавишам.

...Ми, ре, до, си, ля, соль...

— Фа-диез, — привычно подсказала она.

Мальчишка вздрогнул всем телом и остановился.

— Там фа-диез, Вася, — мягче проговорила Карина и приблизилась к фортепьяно, за которым застыл страдалец. — Ну что ты? Играй дальше, — она осторожно положила руки ему на плечи, — расслабься. Вот так, молодец. Локти в сторону, пальцы поднимай, но не слишком.

Вася достучал гамму до конца и вопросительно поглядел на нее.

— Ничего, — вздохнула та, — неплохо. Давай дневник.

Лицо мальчугана прояснилось. Он мигом вскочил со стула и протянул толстую тетрадь в темной обложке.

— Вот.

— Значит, к следующему уроку разучишь фа мажор. И принесешь польку. Хорошо?

— Хорошо, — выдохнул Вася, нетерпеливо косясь на дверь.

Карина молча глядела, как он, спеша и сопя, складывает потрепанный нотный сборник в папку и вприпрыжку бежит к порогу, по обыкновению позабыв сказать «до свиданья».

Ей казалось, будто ее выпотрошили наизнанку. А ведь Вася лишь третий по расписанию! За ним придут еще семь человек, и где взять на них силы?

В голове мерно отстукивало: «соль, ля, си, до...»

Карина резко выпрямилась, вернулась к окну, решительным движением распахнула форточку настежь. Повело промозглой сыростью.

Господи, ведь уже март, весна! А она и не заметила ее наступления за бесконечной чередой тускло-серых дней, монотонным «раз и, два и, три и», упорно пропадающими дизелями и бемолями, непослушными детскими пальцами.

Занавеска тихонько раскачивалась от ветра. Карина в оцепенении разглядывала чахлый цветок герани, стоящий в горшочке на подоконнике.

Позади скрипнула дверь.

— Кариш, ты свободна?

На пороге стояла Зина Бабакина. Глаза ее подозрительно припухли, большие красивые руки нервно комкали носовой платок.

— Заходи, Зиночка. — Карина, обрадованная визитом подруги, не сразу заметила ее необычное состояние.

— Я на минутку. — Та бочком прошла в класс, уселась на краешек стула возле пианино. — У тебя никого нет?

— Васю пораньше отпустила, — призналась она. — Не могу больше.

Зина понимающе кивнула. Карина внимательней вгляделась в ее лицо.

— Ты что? — с тревогой проговорила она, подсаживаясь поближе. — Что-то случилось?

— Да так, — уклончиво ответила та.

— На тебе лица нет. Может, сердце? Дать таблетку?

— А! — Зина с ожесточением махнула рукой и прижала к глазам платок.

— Ну что ты, Зинуль! Ну брось! — Карина растерянно глядела на рыдающую подругу. Для обычно сдержанной Зины слезы были редкостью.

Устала? Неважно себя чувствует?

— Дерьмо! — шептала та, закрывая ладонями лицо. — Все дерьмо! Грязь! Надоело, к чертовой матери такую работу!

У Карины в голове мелькнула мысль: вероятно, сегодня неблагоприятная геомагнитная обстановка — не только у нее самой, но и у Зинки крыша поехала, заниматься с учениками невозможно, хочется послать подальше всю их музыкальную школу, да и вообще весь мир.

— Не расстраивайся, Зинуля, — ласково обратилась она к подруге. — Наверное, сегодня магнитная буря. Я тоже словно выжатый лимон.

Зина внезапно опустила платок. Мокрые глаза недобро блеснули.

— Буря, говоришь? — Она бросила гневный взгляд на дверь. — Я тебе сейчас расскажу, какая буря. Малютину мою помнишь?

— Это новенькая, что ли, с маникюром?

— Она, — сквозь зубы подтвердила Зина. — Знаешь, я вчера ее выгнала с урока. Насовсем.

— Правильно сделала, — поддержала ее Карина.

Она отчетливо вспомнила новую ученицу, которую месяца три назад всучила Зине администрация. Девнца лет четырнадцати, с наглым взглядом жирно подведенных глаз и длинными сиреневыми ногтями. Смотрит свысока, будто не учиться пришла, а с ревизией.

— Наглющая, — подхватывая ее мысли, проговорила Зина. — Не делает ни черта, я ей слово, она мне в ответ десять. Ну я и сказала ей — тут, мол, дети музыке учатся. Между прочим, талантливые, и музыку любят.

— А она?

— Ушла. А сегодня явилась ее мамаша: шуба норковая в пол, в ушах брюлики.

— К тебе?

— Если бы. Прямиком к директору. — Зина зло сощурилась и замолчала.

— И дальше что? — осторожно спросила Карина, хотя уже знала, что услышит в ответ.

— Как ты думаешь? — с горечью проговорила та. — Я должна извиниться перед девчонкой за то, что, видите ли, унизила ее человеческое достоинство, намекнув на отсутствие таланта. А дальше — учить ее как миленькая, безо всяких разговоров. Ее папаша, оказывается, купил для школы комплект стереоаппаратуры и обещал на следующий год ремонт зала за свой счет.

— Да, — пробормотала Карина, опуская голову.

Это было все, что она могла сказать Зине. Обе прекрасно знали, как бесправны здесь, у себя на работе. Мало того что получают копейки, так еще должны безропотно терпеть унижения от таких вот папиных дочек — иначе разговор с директором будет коротким.

— Я не буду учить эту стерву, — тихо и отчетливо проговорила Зина, вставая.

— Разве есть выход? — безнадежно спросила Карина.

— Уйду.

Она поглядела на подругу, поняла, что та говорит серьезно, и почувствовала, как болезненно сжалось сердце.

Зина уйдет. Оставит ее здесь одну. Умница Зинка, которая единственная в школе понимает Карину с полуслова. Да что ж за день сегодня такой разнесчастный!

— Зин, а как же ученики? — упавшим голосом спросила она.

— Не трави душу. — Зина страдальчески поморщилась. — Обойдутся как-нибудь. А я больше не могу. Пой-

ду в частную школу, говорят, меньше трехсот баксов в месяц не платят.

— Там дети без тормозов, — сказала Карина, — балованные, им все позволено, вот и...

— И здесь все позволено, — перебила Зина. — И так и так продаваться, уж лучше задорого, чем задарма.

— Как знаешь. — Карина пожала плечами.

Конечно, Зине нужно работать в денежном месте. Она одна растит сына, его и одеть надо, и обувь, и накормить, и выучить.

А ей деньги без надобности. Дедовская дача в Кратово дает постоянный ежегодный доход в пару тысяч баксов — на одинокую безбедную жизнь вполне хватает. А лишнего ей не надо.

— Пойду, — Зина вздохнула и направилась к двери, — у меня там Кирюшка с Настей сидят. Свиридова играем в четыре руки, — она улыбнулась криво и жалко, — как я их оставлю, ума не приложу!

Она вышла из класса.

Карина прикрыла окно, наполнила под краном пыльный граненый стакан и полила загибающийся цветок. Потом уселась возле фортепьяно и принялась терпеливо дожидаться следующую ученицу.

Жалко Зину. Но у той хотя бы есть злость, энергия, побуждающая ее на поступки, заставляющая искать для себя лучшей доли.

А у Карины ничего нет. Поэтому она никуда отсюда не уйдет...

2.

Когда Карина закончила работу, уже смеркалось.

Она привычно брела по своему излюбленному маршруту: пешком через скверик, мимо булочной, молочно-го, и, наконец, узкая асфальтированная дорожка, стисну-

тая с двух сторон длинными многоподъездными домами. Дорожка сворачивала влево и упиралась в грязно-желтую панельную пятиэтажку, в которой жила Карина.

Лифта в доме не было. На последний этаж приходилось карабкаться пешком.

Здесь, в крошечной двухкомнатной квартирке под самой крышей, она обитала с рождения. Сначала с мамой, потом, после ее смерти, одна.

Карина вошла в прихожую, шелкнула выключателем и, не снимая пальто, без сил прислонилась к стене. Висящее напротив большое зеркало отразило ее всю, с головы до ног — красивую, грустную и бледную.

«Нет, все-таки определенно тяжелый день», — в который раз подумала Карина и начала медленно раздеваться.

Она нашарила под вешалкой тапки, провела щеткой по осевшим под шапкой волосам и вяло побрела на кухню. Поставила на плиту чайник и не спеша выложила на стол свои приобретения: пакет кефира, кусочек сыра, упаковку мармелада и батон.

Карина рассчитывала, что дурное настроение и хандра в привычной, спокойной обстановке рассеются, вытесненные мелкими бытовыми хлопотами. Но почему-то легче не становилось. Наоборот: пустая квартира давила отвратительной мертвой тишиной.

Карина слегка поколебалась, ушла с кухни в комнату, сняла с телефона трубку и набрала коротенький номер.

— Слушаю, — отозвался молоденький женский голос.

— Девушка, пожалуйста, для абонента восемь ноль девяносто три. Саша, приезжай, мне хреново. Карина.

— Хреново, — спокойно повторила телефонистка и отключилась.

Карина удобно устроилась в мягком кресле, вытянув руки на подлокотниках. В кухне посвистывая, закипал чайник, но вставать не хотелось. «Подождет», — лениво подумала она, с наслаждением ощущая, как расслабляет-

ся спина, ноющая от многочасового сидения в три погребели над учениками.

Через минуту раздался звонок.

— Да, — сказала Карина в микрофон.

— Привет, солнышко! — зарокотал на том конце провода сочный бас. — Как ты? Куксишься?

— Немного, — призналась Карина. — Ты на работе?

— То-то и дело, что нет, — виновато проговорил Саша. — В гостях, с Нинкой и козлятами. Тут такие апартаменты, целых пять комнат. Я тебе из спальни звоню.

— Значит, не приедешь, — констатировала Карина.

— Нет, ягодка, сегодня никак. Завтра, может быть. Ты не кисни, ложись, отдыхай.

— Ладно. Чао. — Она опустила трубку.

Чайник всюду заливался разбойничьим свистом. Карина заставила себя рывком встать, вернулась на кухню, погасила газ. Она налила себе чашку крепкого чая, рассеянно вскрыла пакет с мармеладом.

Не велика беда, что Саша занят и не сможет прийти. Кто он ей, в конце концов? Ни гражданский муж, ни просто любимый человек. Так, нечто вроде бойфренда, а по совместительству примерный семьянин, отец троих детей. Козлят, как он их любит называть.

Саша ей сейчас не поможет. Да и никто другой. Трудно найти того, кто спас бы от самой себя. От собственных мыслей, неумолимо преследующих днем и даже ночью, ставших сегодня особенно невыносимыми.

Ей уже тридцать, а она одна на всем свете. Нет у нее ни настоящей любви, ни дружной семьи, как у единственной школьной подруги, Верки, ни хотя бы ребенка, как у Зины. И в отличие от Саши, обожающего свою низкооплачиваемую работу хирурга в районной поликлинике, Карина, кажется, ненавидит музыкальную школу.

Она ясно поняла это сегодня. До сих пор Карина считала, что все не так уж плохо, среди множества бездар-

ных, серых учеников есть Олечка Серебрякова, умница, одаренный человечек, отдушина. Ради нее Карина готова была трудиться в музыкалке, невзирая на все издержки такой работы.

Но сегодня и Олина игра показалась ей пресной, ученической, лишенной воображения.

Как такое могло случиться? Когда-то давно Карина любила свою специальность, детей, приходящих в класс, подолгу корпела над программой для каждого из них, устраивала большие праздничные концерты. И теперь все это исчезло, ушло в прошлое, без следа и намека на возвращение. Почему, за что ей такое?

Карина отодвинула недопитую чашку, встала из-за стола, почти бегом бросилась в спальню и распахнула тумбочку, притулившуюся возле тахты.

На полочке лежала древняя колода карт, распухшая и засаленная, да маленький фотоальбом со смешным олененком на обложке. Карты Карина трогать не стала, а альбом вытащила.

Открыла первую страницу — снимок был десятилетней давности.

Господи, какая она здесь! Волосы длинющие, распущены по плечам, на щеках озорные ямочки, в глазах сплошная наивность. Смех!

Это еще до всего, что произошло, до **н е г о**.

Карина хотела перевернуть страницу, но передумала. Прилегла на тахту, не выпуская альбом из рук, мечтательно прикрыла глаза.

...Да, когда-то она была совсем другой. И жизнь текла по-иному, весело, шумно, торопливо.

Тогда еще жива была мама.

В маленькой квартирке под крышей собиралась молодежь: студенты консерватории, Каринины однокурсники.

12 Они пировали на кухне ночи напролет, дымили в окно на

лестничной клетке, танцевали до упаду, ругались и мирились.

Тогда каждый день отличался от предыдущего решительно всем — и цветом, и вкусом, и запахом. Веселая компания менялась — одни исчезали, на смену приходили другие.

Как-то появился высокий пепельноволосый парень в длинном, висящем мешком на худой долговязой фигуре, грубом свитере и с тяжелым прямым взглядом свинцовых глаз. Танцевал мало, наливал себе стопку за стопкой, сидя в углу. Оттуда, из угла, смотрел на Карину негибким, невежливым взором.

Кто его привел, она не знала, но на очередной танец, набравшись храбрости, пригласила, положила руки ему на плечи. Пепельноволосый встал во весь почти двухметровый рост, плавно повел Карину в такт музыке, не прижимался, не лапал. Ничего ей не сказал, оттанцевал и вернулся в свой угол.

Когда гости разошлись, она раскинула карты на трефового короля. На сердце у него лежала пиковая десятка, ногами он топтал даму червей. Внутри у Карины что-то оборвалось, она собрала колоду и запрятала ее на дальнюю полку.

Он пришел в следующий раз. А потом еще. Карина уже знала, кто привел его, знала, что зовут его Степан, он приехал из Омска и учится на пятом курсе МАИ.

Однажды он остался у них в квартире, в крошечной Карининой комнате на ее скрипучей старенькой тахте. На рассвете она проснулась, подошла к окну, увидела наливающееся белизной небо за занавесками, один за другим гаснущие фонари внизу, и едва не задохнулась от счастья.

Она любила его. Любила в нем все: нахальный, уверенный взгляд, серые, будто пеплом посыпанные воло-

сы, широкую скорую походку, манеру одеваться — во все длинное, просторное, грубое, — молчаливость.

Зато мама возненавидела Степана, кажется с первого взгляда. Каждое утро, глядя на ее блаженное лицо, глупо-счастливую улыбку, тихо, сквозь зубы, но очень отчетливо говорила:

— Дура. Он испортит тебе жизнь. Разве вы — пара? Посмотри, посмотри на себя и на него!

Карина только плечами пожимала. Она даже злиться на мать не могла, не хватало ее ни на какие другие чувства. Та не сдавалась, пилила день и ночь:

— Пусть женится, раз живет здесь на всем готовом! Вот погоди, попадешься — он сразу в кусты слиняет. Вспомнишь тогда!

Жениться? Да ей было все равно, пригласит он ее в загс или нет. Главное — Степан здесь, сегодня, завтра, послезавтра. Господи, как же это чудесно!

Может быть, они и поженились бы: он окончил институт, его оставили работать в Москве как подающего надежды. Карина видела — он прирос, прикипел если не к ней, то к дому, к образу жизни, к удобству, к тому, что она всегда рядом, «под рукой». Может быть, оставалось совсем чуть-чуть до исполнения маминой мечты.

Но тут пришла телеграмма: его отец в Омске тяжело заболел. Матери у Степана не было. Он должен был ехать.

Карина сама собирала ему чемодан. Перестирала и перегладила вещи, сложила и расправила каждую складочку, аккуратно защелкнула замки на крышке.

Она ни разу не заплакала, даже на вокзале, даже когда состав тронулся, стал набирать ход, и ей страстно захотелось побежать по шпалам за этим чертовым поездом, увозящим в ночь от нее счастье. Но она сдержалась, так как понимала: он едет к смертельно больному человеку, род-